

постепеннаго востанія началъ социализма въ капиталистическій строй путемъ военнаго государственнаго веденія хозяйства теперь вездѣ исчезли» (стр. 78.).

Констатируя наличность кризиса въ области социалистической мысли въ Европѣ, Финнъ одинаково отрицательно относится и къ эволюціонному социализму и къ лѣвому большевизму Паннекука, считающаго совѣты «всемогущими фетишами, призванными замѣнить все и вся» (стр. 81). Финнъ остается вполнѣ на почвѣ старой марксистской догмы, въ томъ видѣ, конечно, какъ онъ ее понимаетъ. Но все-же, по его мнѣнію, взрывъ капитализма на Западѣ въ ближайшее время «возможенъ, но не неминуемъ». Общій-же выводъ его, что «Совѣтской Россіи не грозитъ сейчасъ экономическая опасность отъ капиталистическаго міра. Побѣда надъ Совѣтской властью путемъ внѣшней торговли, что крайне важно для высокаго капитализма на Западѣ, призрочно, особенно при условіи рациональной организаціи внѣшняго обмѣна Совѣтской Россіи. Съ другой стороны, вліяніе совѣтскаго строя на ускореніе крушенія на Западѣ буржуазнаго зависитъ отъ успѣшности экономической политики Совѣтской власти въ дѣлѣ возстановленія и развитія производительныхъ силъ Россіи. Большевиизмъ Великой Россійской Революціи въ политическомъ и экономическомъ отношеніи выполняетъ историческую задачу расчищенія почвы для новаго социальнаго строительства, задачу аналогичную Якобинской временъ Великой Французской Революціи, но въ международныхъ и національныхъ условіяхъ отличныхъ по степени развитія матеріальныхъ силъ и общественныхъ классовъ. Побѣда большевизма обезпечена лишь въ условіяхъ: міровой пролетарской революціи и здоровой планомѣрной политики государственно-организованнаго хозяйства внутри.» (стр. 87).

Резюмируя, можно признать нѣкоторую цѣнность за описаніемъ положенія Европы: для читателей въ Россіи оно можетъ быть полезно, но и только для нихъ. Вообще-же книжка интересна постольку, поскольку интересно все доходящее оттуда.

Г. Лунцъ.

K. Kautsky. Von der Demokratie zur Staats-Sklaverei. Eine Auseinandersetzung mit Trotzki. Berlin, Verlag „Freiheit“ 1921.

Написанная по частному поводу — для «выясненія отношеній» съ Троцкимъ — работа К. Каутскаго касается нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ такъ называемаго научнаго социализма и потому

представляет гораздо болѣе общій интересъ, нежели только отповѣдь Троцкому на его «Анти-Каутскій».

Книга преисполнена пѣтета по отношенію къ Марксу; она избилудеть обычными для марксизма трафаретами и шаблонами. Тѣмъ не менѣе она представляетъ авторитетный образецъ самокритики. Съ характерной для подлиннаго ученаго и политическаго мыслителя независимостью сужденій Каутскій во многихъ случаяхъ свидѣтельствуетъ на страницахъ своей послѣдней книгѣ и противъ Маркса и противъ былого... Каутскаго.

Каутскій проводитъ различіе между двумя Марксами: социалистически юнымъ Марксомъ, періода вліянія на него изученія французской революціи, когда его возрѣніе во многихъ пунктахъ соприкасалось съ якобинскимъ и бланкистскимъ (стр. 41), и Марксомъ социалистически зрѣлымъ, умудреннымъ опытомъ жизни и результатами своихъ собственныхъ научныхъ изысканій. Но даже въ 1850 г. «когда Марксъ былъ еще близокъ къ бланкистскому ходу идей и усматривалъ борьбу классовъ преимущественно въ формѣ гражданской войны, онъ взывалъ къ своимъ противникамъ въ Коммунистическомъ Союзѣ «пучистамъ»: въ то время какъ мы говоримъ рабочимъ — вамъ предстоитъ 15, 20, 25 лѣтъ гражданской войны и международной борьбы для того, чтобы не только измѣнить виѣшнія отношенія, но и себя самихъ и сдѣлаться способными къ политическому господству, — вы говорите наоборотъ: намъ необходимо сейчасъ придти къ господству или намъ нужно идти спать.» (стр. 15).

По нѣсколько упрощенной, на нашъ взглядъ, интерпретаціи Каутскаго, — «Марксъ учитъ методу постановки, и въ революціонное время, только такихъ практическихъ задачъ, которыя разрешимы для данныхъ средствъ и силъ и которыя такимъ образомъ даютъ возможность избѣжать пораженій.» (стр. 16). Существуютъ два пути развитія рабочаго движенія. Путь органическаго развитія и роста въ мѣру развитія объективныхъ виѣшнихъ условий и внутренняго роста самосознанія и организованности рабочаго класса; это путь англійскаго и германскаго широкаго и легальнаго рабочаго движенія. И есть путь заговоровъ, путь якобинскій и бланкистскій, на который вступили съ фатальными результатами и для себя, и для всего международнаго движенія русскіе рабочіе, увлекаемые большевиками. Противорѣчіе европейскаго рабочаго движенія 19-го вѣка обнаруживается при сопоставленіи англійскаго чартизма съ французскимъ бланкизмомъ. Въ Англии — «смыканіе всѣхъ рабочихъ, готовыхъ бороться за свой классъ, въ единое крупное тѣло безъ различія въ отнѣнкахъ, которые ихъ раздѣля-

ють. Эти оттѣнки не уничтожаются единствомъ организаціи, а выравниваются въ своей средѣ, отнюдь не въ противоположеніи одной организаціи другой... Во Франціи, наоборотъ, мы встрѣчаемъ заговоръ. Онъ не долженъ состоять изъ большого числа участниковъ, иначе велика опасность къ его обнаруженію. Онъ можетъ удался только при неограниченномъ довѣріи сочленовъ къ вождямъ.» (стр. 75).

Каутскій напоминаетъ слова Розы Люксембургъ, написанная ею еще въ 1904 гъ «Die Neue Zeit» по поводу ленинской брошюры: «Шагъ впередъ, два назадъ»: — «мы говоримъ совершенно откровенно, — порочные шаги, дѣлаемые подлиннымъ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, исторически неизмѣримо болѣе плодотворны и цѣнны, нежели непорочность наилучшаго «Центральнаго Комитета.» (стр. 67). Соответственно съ этимъ Каутскій расцѣпываетъ и нынѣшнее «революціонное рабочее движеніе» въ Россіи. «Если въ Россіи большевизмъ представляетъ собою диктатуру надъ пролетаріатомъ, то въ Интернаціоналѣ онъ является заговоромъ противъ пролетаріата. Съ заговорщичествомъ вновь возникаетъ старая тактика «путчей», которая еще никогда такъ легкомысленно и неосторожно не использовала массы въ качествѣ простого пушечнаго мяса, какъ теперь подъ водительствомъ Москвы... Девизъ I-го и II-го Интернаціоналовъ — освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самаго рабочаго класса — нынѣ совершенно отвергается практикой III-го Интернаціонала, дѣйствующаго согласно положенія — освобожденіе всемірнаго рабочаго класса можетъ быть произведено только черезъ диктатуру Центрального Комитета коммунистической партіи Россіи.» (стр. 70). «Не то ставимъ мы въ упрекъ Ленину и его братіи, что они считаютъ капитализмъ неизбѣжнымъ для того уровня развитія, на которомъ стоятъ Россія, а то, что они только сейчасъ пришли къ такому признанію послѣ того, какъ почти четыре года съ неослабной энергіей шествовали въ противоположномъ направленіи, клеймя измѣнникомъ и ренегатомъ всякаго, кто до этого обладалъ правильнымъ взглядомъ; для образованнаго социалиста было нетрудно имѣть правильный взглядъ, ибо марксисты десятилѣтіями раньше опредѣляли грядущую русскую революцію, какъ революцію буржуазную.» (стр. 72).

Каутскій напоминаетъ, что для него, какъ и для всякаго марксиста, демократія никогда не была принципомъ этического долженствованія или «естественно-правовымъ» «категорическимъ императивомъ». «Въ нынѣшнихъ экономическихъ и техническихъ условіяхъ демократія — историческая необходимость, необходимость для пролетаріата такъ же, какъ и для самого государства.» (стр. 27). «За демократіей стоитъ гораздо большая сила нежели за

социализмомъ.» (стр.34). «Чѣмъ болѣе укрѣплялась социаль-демократія въ демократіи и чрезъ демократію, даже при неполной свободѣ, тѣмъ болѣе занималъ насъ вопросъ о средствахъ защиты демократіи. Эта проблема была для насъ одной изъ самыхъ важныхъ уже за десять лѣтъ до войны. Не въ вооруженномъ возстаніи, а въ массовой забастовкѣ видѣли мы лучшее средство. Мы считали, однако, и его дѣйствительнымъ только тамъ, гдѣ имъ пользуются въ борьбѣ противъ правительства, примѣняющаго насилие надъ демократіей. Мы считали безразсуднымъ примѣнять его для низверженія правительства, опирающагося на выраженное большинство населенія. Если же вздумали бы произвести опытѣ насильственнаго принужденія крестьянскаго большинства въ аграрной странѣ при помощи массовой забастовки, то отъ такого опыта пришлось бы отказаться. Специфически пролетарскія средства приспособлены къ охранѣ демократіи, а не къ насилию надъ нею.» (стр. 32/3).

Эту точку зрѣнія Каутскій противопоставляетъ утвержденію Троцкаго о томъ, что война «минировала» современный строй. «По сравненію съ демократіей Троцкому представляется «варварская школа войны» лучшей воспитательницей пролетаріата. Къ сожалѣнію, однако, у войны имѣются двѣ различныя формы — побѣда и пораженіе. Не война вызвала революцію, а пораженіе... Одновременно съ тѣмъ война расщепила рабочій классъ на враждебныя фракціи, понизила моральный, интеллектуальный и физическій уровень многихъ его слоевъ, невѣроятно повысила преступность и ожесточеніе, слѣпую вѣру въ насилие и безсмысленныя иллюзіи. Въ самомъ дѣлѣ, видѣтъ въ войнѣ социалистическаго воспитателя — идея достойная военнаго министра, но не социалиста.» (стр. 29).

Каутскій и сейчасъ продолжаетъ держаться того мнѣнія, что выдвинутое Марксомъ требованіе диктатуры лучше всего передается понятіемъ «нераздѣльнаго господства (Alleinherrschaft), осуществляемого большинствомъ въ демократическомъ государствѣ» (страница 39). Тѣмъ не менѣе послѣ опыта «диктатуры пролетаріата», продѣланнаго большевиками, «несмотря на то, что это выраженіе приняли Марксъ и Энгельсъ», — Каутскій находитъ, что это выраженіе «потеряло очень много». «Лозунгъ диктатуры пролетаріата съ самаго начала страдалъ тѣмъ, что онъ имѣлъ нѣсколько смысловъ. Марксъ и Энгельсъ никогда его не выдвигали, а употребляли его лишь между прочимъ. Его нѣтъ ни въ одной изъ ихъ программныхъ работъ, въ томъ числѣ и въ Коммунистическомъ Манифестѣ, хотя она ко времени его составленія во многомъ стояла еще ближе къ бланкетскому образу мыслей, чѣмъ то было позднѣе. Въ Коммунистическомъ Манифестѣ они всегда говорятъ только о «господствѣ» (Herrschaft) про-

летаріата... Политическіе лозунги черпають свой смыслъ гораздо больше изъ исторіи, нежели изъ лексикона. Исторія сдѣлала выраженіе диктатуры пролетаріата отличительнымъ признакомъ большевизма. Оно въ глазахъ массъ также неразрывно связано съ большевизмомъ, какъ и обозначеніе коммунизма. Марксъ и Энгельсъ называли себя коммунистами. Тѣмъ не менѣе это наименованіе отклоняеть нынѣ всякій, — даже если онъ клянется Марксомъ, — кто призналъ вредъ большевистскаго воззрѣнія. Также всѣ основанія у насъ за то, чтобы отказаться отъ лозунга диктатуры пролетаріата, который всегда былъ полонъ недоразумѣній и до 1917 г. игралъ роль только въ полемической, а не агитаціонной литературѣ марксизма. Языкъ Коммунистическаго Манифеста, который говоритъ не о диктатурѣ, а о господствѣ пролетаріата на основѣ демократіи, завоеванной путемъ революціи, можетъ и долженъ насъ полностью удовлетворять.» (стр. 83 и 84).

Если въ рядѣ случаевъ въ своей послѣдней работѣ Каутскій свидѣтельствуетъ противъ Маркса, — я бы сказалъ: въ пользу Лассалля, — то въ вопросѣ о диктатурѣ пролетаріата Каутскій свидѣтельствуетъ противъ самого себя — въ пользу Эд. Бернштейна... Уступая «диктатуру» и замѣняя ее «господствомъ», Каутскій стремится сохранить букву, вѣрность традиціи и тексту «Коммунистическаго Манифеста». Но по существу въ спорѣ, имѣющемъ свыше чѣмъ двадцатилѣтнюю давность, ортодоксъ Каутскій вынужденъ былъ капитулировать передъ ревизионистомъ Бернштейномъ.

И въ этомъ не только литературно-научный, но и политическій интересъ книжки.

М. В.
